

изложил бы коротко и понятно. Но проблема социологического языка для публики действительно существует. Образцов, к сожалению не много. Одним из них я считаю публичную лекцию В. Ядова, опубликованную на сайте polit.ru. Этот же сайт публикует и публичные лекции других известных социологов. Кстати, поводом для выступления В. Ядова как раз послужила значимая для российских социологов проблема – акции протеста студентов социологического факультета МГУ.

Мне также понравилось соображение П. Романова и Е. Ярской-Смирновой о том, что социолог должен быть голосом безгласных, а также С. Рыкуна, К. Южанинова о том, что нужно навести порядок в собственном доме (в голове), прежде чем учить других, как им следует жить. А это опять же значит, что нужно развивать коммуникацию в сообществе, чем мы сейчас, собственно, и занимаемся.

По отношению к каким (какого рода) темам/проблемам публичная социология сегодня возможна и необходима?

Тем, действительно, столько же, сколько социальных проблем, т.е. огромное множество. Актуализировать их для публики, включить в общественный дискурс – этого мало хотеть, нужно еще иметь и талант публициста. С этим у нас туго. Кроме того, нужно уметь говорить о ценностях, а не о наблюдениях. То есть я согласна с теми, кто считает, что следует артикулировать ценностную ангажированность своего выступления, заявить, что я сейчас не в роли эксперта, а в роли гражданина. В этом случае, как мне кажется, можно избежать упреков в попытках использовать свой статус «эксперта по обществу» для манипулирования общественным сознанием.

Вправе ли социология влиять на общество, участвовать в жизни социальных групп, инициировать социальные изменения и каковы пределы этого влияния?

Я согласна с К. Клеман в том, что нужно четко определять для публики роль гражданина и роль эксперта. В роли экспертов мы опосредованно влияем на решения, принимаемые теми или иными акторами (например, директором завода, когда делимся с ним соображения о мотивации работников). Влияние в роли граждан ограничено собственными талантами и доступностью СМИ, хотя последнее в эпоху Интернета – в меньшей степени.

Можно ли говорить о своего рода «публичном повороте», о преодолении «кабинетной» работы в современной отечественной социологии (антропологии, культурологии, социальной науке в целом)?

Боюсь, что социология, только начав поворачиваться к публике вполборота, уже разворачивается обратно из-за отсутствия сильных политических игроков, отстаивающих разные сценарии развития общества. Сможет ли социологическое сообщество само инициировать общественные дискуссии? Теоретически да, а практически – вряд ли в свете всего вышесказанного. Говоря словами В. Высоцкого, «настоящих буйных мало».

Елена Омельченко

Сегодня принято ругать социологию. Это стало хорошим тоном. Критический фокус считается признаком включенности. Совсем недавно приняла участие в очередном профессиональном разговоре о судьбах социологического образования в России. Выводы экспертов неутешительны. Были названы ограниченные очаги настоящей науки и профессии. В основном они располагаются в Москве и Питере, и только в негосударственных университетах и независимых центрах. Отчасти это правда, но только отчасти. Не понимаю, почему о кризисе отечественной социологии нужно судить исключительно по малому количеству публикаций в западных журналах? Еще не понимаю, почему стало общим местом ругать все социологические факультеты госуниверситетов, вслед шумной, хотя и пошедшей на убыль, общественной дискуссии вокруг соцфака МГУ? Не понимаю, сколько можно консерватизм, царящий в преподавании дисциплин на кафедрах социологии, относить к наследию научного коммунизма, когда во главе многих из них стоят представители перестроечного поколения? Почему не поговорить о нас самих? Подчас неясно – кого мы собственно критикуем, не правильней ли, не легче ли говорить о себе и ответить себе на вопросы – зачем я этим занимаюсь? Честно говоря – нас очень мало, но и между нами нет согласия и поддержки...

Мне хватило сил ответить только на два поставленных вопроса, но контекстуально – практически на все.

Для кого и для чего сегодня существует социология в России? Каково «публичное лицо» современной российской социологии?

На мой взгляд, это слишком прямая и жесткая формулировка вопроса по отношению к столь дифференцированной и разнокачественной сфере, как отечественная социология. Дело даже не в том, что «их» – социологий – много, а в целом ряде других, не менее важных «предвопросов». Без их учета невозможно, на мой взгляд, говорить о социологии «вообще». Для одних – это работа, для других – стиль жизни. Могу предположить, что американский и европейский контекст разнообразия социологического этоса более определен и закреплён «именами», принимаемыми большинством социологов и общественностью. Однако и «там, у них» позиция социологов не менее проблематична, а вопрос общественной пользы или бесполезности профессии столь же актуален.

Какие же это предвопросы? Например, кто, с какой целью и кому задает этот вопрос? Это же всегда самое важное. Очевидно, что передовая (продвинутая) часть социологического сообщества начала активно конструировать и публично артикулировать проблему «социологии в России». Яркое и шумное выступление студентов соцфака МГУ и его поддержка со стороны ведущих и реально авторитетных ученых и исследователей – самое значимое событие, ознаменовавшее начало публичного говорения и

критического противостояния двух или более сил внутри так называемого профессионального сообщества. Так называемого, потому что оно, с моей колокольни, настолько аморфно и разнонаправлено, что одновременно вроде и есть, и в то же время, нет.

Далее, насколько я понимаю, даже продвинутой частью российских социологов тезис Майкла Буравого о «публичной социологии» воспринимается неоднозначно и не всеми поддерживается. Причина ясна. В определенном смысле, именно советская социология была, что ни на есть, публичной, обеспечивая «независимый» поток информации о победоносном шествии развитого социализма. До сих пор этот шлейф социологического прошлого «чего изволите?» продолжает нас преследовать. Тому, конечно, есть основания. Вот, например, уже вчера ВЦИОМ опубликовал результаты всероссийского опроса общественного мнения, согласно которому уже сегодня 57% российского населения, если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, проголосовали за кандидатуру Дмитрия Медведева¹. Кто виноват и насколько правдивы эти данные – не важно. Приходится признать, что не только власть привыкла получать те цифры, которые нужны, но и население привыкло моментально реагировать на отчетливые сигналы «сверху». Как разуверить и тех, и других? И, наконец, наша ли это задача?

Особую критичность в прогрессивных кругах вызывает вся заказная социология. Несмотря на то, что я и себя отношу к ним, вопросы остаются. Если мы все давно поняли, что сегодняшней власти правдивая картина не интересна, потому что ничего не определяет, то отчего мы так волнуемся по этому поводу? Отчего так страдаем?

Меня несколько настораживает и даже пугает отстраненный характер предложенной дискуссии. Будто мы говорим и обсуждаем не себя и не свою жизнь, а некую вне нас располагающуюся «социологию», некую материю или, напротив, духовную субстанцию, которая существует сама по себе. И в этом тоже видится постсоветский синдром, некая фантомная болезнь. На мой взгляд, можно назвать несколько причин предложенного поворота дискуссии.

Первую я бы назвала профессиональной фобией само-обозначения/отнесения/наименования. Будто это все, кто угодно, только не мы сами принимали/ем участие в кризисе социологии. Правильней, на мой взгляд, задать вопрос по-другому: а что мы(я) делаем/ю, в социологии, для чего и для кого мы/я существуем/ю в своей профессии, к чему стремимся/люсь и почему солидаризируемся/юсь именно с одними, а не с другими. На этот вопрос можно ответить следующим образом (пишу от

¹ МОСКВА, 13 дек 2007 — РИА Новости. Большинство россиян готовы проголосовать за Дмитрия Медведева на выборах президента страны, намеченных на 2 марта 2008 года. Об этом свидетельствуют данные опроса, которые РИА Новости предоставили во Всероссийском центре изучения общественного мнения (ВЦИОМ). (комментарий был подготовлен за три месяца до выборов Президента РФ. *Прим. ред.*).

себя, «мы» будет требовать постоянных пояснений, и может быть проинтерпретировано, будто беру на себя неподходящую мне роль).

То, что я делаю (участвую в исследовательских проектах, выступаю с экспертизой или статьями, провожу занятия со студентами и аспирантами) нужно прежде всего мне и тем, кому это важно и нравится. То, чем занимаюсь я и наш центр, находит живой отклик у студентов и аспирантов – принимающих участие в наших проектах, слушающих лекции, читающих статьи и книги. Им интересно, потому что нам удается говорить и писать о живых вещах, практически шаг за шагом преодолевая рутину, сухость и скуку официальных учебников по той же самой «социологии молодежи». Так, например, особое удовольствие получаешь, когда видишь, как на твоих глазах студенты начинают понимать, что можно говорить о себе, а не о какой-то отчужденной и неясной толпе с чужим именем «молодежь России».

Значит, в первую очередь это нужно тем, кого мы стараемся вовлечь в нашу профессию и особый стиль жизни, который так и называется. В этом же ключе можно понять и «публичное лицо» социологии, в которой существую. Кроме того, приобщение к социологическому этосу мне необходимо потому, что помогает сохранять необходимый критический строй мысли и целостность личности.

А как же назвать эту социологию, этот круг, к которому себя отношу? Если следовать классификации Майкла Буравого (и ей ограничиваться), скорее всего – это и есть публичная социология. Наш центр никогда не отказывался и не отказывается работать с государством и другими социальными агентами. И, по правде говоря, никто нам не мешал писать честные отчеты. Другой вопрос – кто еще, кроме нас с заказчиком, их читал (может, и заказчик то не читал)? Но даже если и он/она одни прочли – тоже неплохо. Важнее было всякий раз включиться в обсуждение и разъяснение, чтобы не участвовать в административных мерах «по следам исследования».

И здесь уже вопрос, который вне сферы моей компетентности. Знаю, что существует мнение, что нельзя вообще работать с властью, потому что в любом случае ты работаешь на поддержание системы. Как мне сказал мой недавний информант-скинхед: «так просто деньги никто не платит, раз вам заказали исследование, значит его результаты будут работать на тех, кто заплатил». И с этим трудно поспорить, трудно у нас – в России.

Еще одна фобия (может быть только моя) – фобия ненужности и невостребованности, и как следствие – признание себе в том, что занимаешься социально незначимым и неважным делом. Тогда ответ на вопрос может заключаться в доказательстве того, что на самом деле вся другая социология может и не нужна, а та, в которую мы(я) включены(на) – как раз наоборот. Вероятно, что такой мой ответ объясняется тем, что я мало включена в существующие в нашем сообществе дебаты вокруг различных институциональных форм, плохо понимаю расста-

новку сил, совсем не разбираюсь в административно властных играх... Последнее не в плюс, а в минус.

Итак, говорить о «публичном» лице российской социологии, следовательно, не могу. Могу и, главное, хочу обозначить, как понимаю, для кого и для чего существуем мы – те социологи, к которым отношу себя и тех, кого отношу к своему кругу (кругу не вокруг меня, а к которому примкнула). Наше сообщество мало институционализировано и неформально, хотя существует НИЦ «Регион» и исследовательская сеть. Социология для многих из нас – стиль жизни и стиль мышления о жизни. Поэтому, наверное, мы существуем внутри нее, часто в ущерб как себе, так и «социологии». Таким образом, можно предположить, что это некое профессионально-интеллектуальное пространство, помогающее выжить тем, у кого, по выражению М. Буравого¹, устойчивая доминанта (очаг возбуждения) социальной совести (обостренное чувство справедливости-несправедливости). Что нас объединяет особый тип социальной чувствительности и интереса к происходящему, искренняя любовь к жизненной разности, и радость от разрушения устойчивых стереотипов обыденного знания и присущих ему классификаций. Может, есть где-то другое социальное пространство для жизни подобных существ, я не знаю. И мой опыт общения с западными коллегами говорит о том, что своих можно встретить везде...

В это смысле публичную социологию можно понять, как поиск своих (индивидов, сообществ, аудиторий), их стремление к кооперативному (солидарному) социальному действию и противодействию манипуляциям. Свои нуждаются в интеллектуальной, духовной и моральной поддержке, что достигается через сопричастность, сопереживание общего исследовательского или образовательного опыта. Разве не достаточно того, что мы будем нужны друг другу, и тем самым будет участвовать в воспроизводстве социологического этоса?

И еще. Мой исследовательский опыт подсказывает, что в нашем обществе есть потребность и в той «публичной социологии», о которой прямо говорит Майкл Буравой. В каждом своем исследовании мы сталкиваемся с множеством молчащих (немых), не слышащих (глухих), невидимых и слепых групп. Никто, кроме нас не может (да и не захочет) помочь им заговорить, услышать, сделать их видимыми и зрячими. Так, например, в последнем проекте по изучению сельской бедности мы столкнулись с новыми бомжами. Новыми, потому, что у них есть свои дома, семьи и сфера занятости. А еще, шестеро из десяти сельских женщин-бомжей – беременны. Они активно отозвались на национальный демографический проект. Может быть, кому-то будет интересно их послушать? Или, например, поинтересоваться у сельских

¹ Не исключаю того, что не совсем точно поняла эту мысль ученого, но надеюсь, что все-таки более или менее близко к основному контексту морального кода социологической профессии как призвания.

учителей, почему до половины учащихся номинируются как дети ЗПР (задержка психического развития), а чаще зовутся просто «дебилами»? Или, например, обратить внимание на то, что подъем рождаемости идет не за счет среднего или выше среднего класса, а за счет бедных и беднейших? Это интересно не только с точки зрения необходимости преодоления бедности, но и в плане физического и морального здоровья будущих поколений. Перечень молчаливых и невидимых групп можно продолжить: больные наркоманией, больные СПИДом, выпускники детских домов, освободившиеся из мест заключения. Не буду продолжать перечень, а то получится, что перечисление через запятую будет понято, как признание этих групп в качестве «групп риска». Поэтому что, к невидимым группам может быть отнесена и вся современная молодежь, которой мы занимаемся. Ей манипулируют, руководят, мобилизуют, формируют в бригады и колонны, но мало реагируют на ее внутреннее разнообразие, непохожесть, несводимость к единой и молчаливой толпе. Думаю, что очень скоро ее захотят послушать, лишь бы поздно не было.

Майкл Буравой разделяет академическую, критическую, прикладную и публичную социологию по типам основных задач и аудиторий, или потребителей социологической информации. Какое разделение труда сложилось в современной отечественной социологии? Какую бы классификацию предложили вы? Чем различаются между собой эти виды социологического труда?

Начну со ссылки на идею М. Буравого о том, что «критическая социология – это совесть профессиональной социологии, так же как публичная социология является совестью прикладной социологии». То, что происходит на соцфаке МГУ в этом смысле очень симптоматично и непосредственно отражает реально существующее разделение труда в отечественной социологии. В латентном виде конфликт/кризис социологического образования характерен для всех социологических факультетов/кафедр российских (а может, не только российских) университетов. Социологическая профессионализация предполагает разные пути/тропы/дороги вхождения в компетенцию. Все дальше и дальше друг от друга расходятся пути теоретической/академической (или того, что называют этим именем), «преподавательской» (а как еще назвать?) и включенной социологии (хотела написать практической, но уж больно далеко это название от смысла, которое вкладываю). Есть еще административная (или номенклатурная), политтехнологическая (или электоральная), пиар-социология, маркетинговая социология (в учебных программах именуемая маркетинговые исследования, но базовые идеи, имена, методологии и тем более техники – общие!), набирает силу попсоциология. Список можно продолжить: консалтинговая, экспертная, непрофессиональная (кто только не проводит социсследования!).

Бряд ли стоит вставать в позу и отделять «настоящих» социологов от «имитаторов»; внутри более или менее согласованных академических кругов существует свой гамбургский счет, и в принципе понятно, кто чего стоит. Для нас (меня) более актуально другое разделение. Самая важная проблема, на мой взгляд, в том, что в социологическом образовании основной разлом происходит по линии: исследователи vs преподаватели.

Насколько я знаю, во многих российских университетах исследователи (более или менее автономные, не обязательно даже институционально организованные) были с кафедр социологии (факультетов) мягко говоря, подвинуты. Их «нездоровый» энтузиазм и живые примеры явно мешали/мешают ведению «нормального» процесса обучения. С другой стороны, исследователи – преподавателей тоже не очень жалуют. Работать в поле преподаватели, как правило, не любят, считают себя экспертами во всем, сложно уживаются в другой, мало иерархичной, структуре. Такая вот взаимная нелюбовь/недоверие. Конечно, речь идет только о традиционных социологических факультетах и кафедрах. В новых университетах, хочется верить, этот конфликт, если и существует, (он не может не существовать), то преодолевается в пользу обеих сторон. Студенты же соцфаков по большей части ориентированы именно на исследования (и это их право), чаще всего – на маркетинговые: совсем другие деньги и правила. Как и практикующие психологи, посещающие бесчисленные тренинги, студенты-социологи ждут и требуют: дайте же нам наконец тесты, анкеты, научите скорей, как проводить фокус-группы и писать правильные справки. А как насчет теоретических мастер классов? Дискуссий? Не знаю, не уверена. Хотя, конечно, в каждой группе есть несколько звездочек, и это повышает мотивацию, прибавляет сил, чувствуешь, что не зря... что грех таить, все чаще подумываю: а не уйти ли с преподавания? Потому как все меньше и меньше удовольствия, все меньше и меньше реализации и куража. А если и это покинет, то с нашей зарплатой (куда денешься?) вообще неясно как отвечать себе на простой и такой животрепещущий вопрос: зачем?

Долг путь из рабства, 40 лет не меньше. Отвыкнуть обслуживать – это не только мудрость, но и мужество. А как научить – НЕ обслуживать, если так долго и всячески обслуживали? И как побороть плохую репутацию самой профессии, которая не столько суть наследие советской партийно-съездовской «социологии», сколько испорченное «поле», всякий раз остающееся после политтехнологических экспериментов и пиар-акций? Разве можно наивно верить в то, что всем можно объяснить, что есть социология и «социология»?

Павел Романов и Елена Ярская-Смирнова

Для кого и для чего сегодня существует социология в России? Каково «публичное лицо» современной российской социологии?

Мы полагаем, что социология пришла в публичное пространство России и заняла в нем прочное место, конечно же, задолго до того момента, как был открыт набор на одноименную специальность и появились ссылки на социологические исследования в средствах массовой информации. Начать можно с того, что большевики и их сталинские преемники в своей пропаганде и преобразовательной деятельности основывались на системе взглядов, которые можно назвать, на свой манер, социологическими. Можно согласиться с идеей Г.С. Батыгина, что советская общественная жизнь являет нам уникальный пример социологии, ставшей ведущей и преобразующей силой на государственном уровне, подчинившей себе все аспекты общественной жизни. Такие формулы марксистской социологии, как *классы, преодоление классовых различий, классовое сознание, классовый конфликт, производственные отношения*, – не только затверживались на школьной скамье и на занятиях по историческому материализму в вузах. Они направляли партийные решения, затрагивающие интересы миллиардов людей, – и не только в СССР, но и далеко за его пределами, когда возник социалистический лагерь и в некоторых развивающихся странах к власти пришли марксисты разных вариаций (включая маоистов, сторонников чучхе и полпотовцев, а также ряд других экзотических движений, включая Красные Бригады). Есть множество примеров тому, как социологический анализ в СССР вел руководителей страны дорогой, усыпанной многочисленными жертвами: предположение ряда теоретиков об усилении классовой борьбы при социализме привело к росту репрессий в 1930-х, а в 1950-е Струмилин и ряд других видных советских социологов провозгласил отмирание товарно-денежных отношений, в результате чего возникла волна репрессий против малых и крупных предпринимателей времен хрущевской оттепели и к смертным приговорам по делам «валютчиков». Позже возникли и претворялись в жизнь социологические идеи о сосуществовании систем, развитом социализме и, на закате Советского Союза, в эпоху Перестройки – разного рода идеализации нэпа.

Если говорить о советской публичной социологии, то мы имеем дело в первую очередь со своего рода теорией-идеологией, легитимирующей и направляющей советскую социальную, индустриальную, градостроительную, аграрную, криминальную, а подчас и внешнею политику. В доминирующем дискурсе редко можно было встретить аргументы, апеллирующие к каким-либо эмпирическим данным, но это не значит, что никаких исследований не проводилось. Шейла Фицпатрик, например, изучая контекст принятия антипаразитических законов эпохи